

НАТАЛЬЯ МЕЛЁХИНА

ДАШКИН КАРАВАЙ

РАССКАЗЫ

Зимний день на Севере короток, но кажется он нескончаемо длинным, если тебе, как Дашке, всего лишь пять лет и если ты целый день не знаешь, чем себя занять.

В садик Дашка не ходила, потому что садика в их деревне не было. Да и откуда ему взяться, если жилых двенадцать изб осталось, да и в тех одни старики? Кроме Дашки, детей в деревне не осталось. И вот мама ушла на смену — на коровью ферму, отец со старшими братьями — в лес дрова рубить, но и ружьишко с собой захватили, попутно поохотиться. Осталась Дашка одна с бабушкой. Чем заниматься?

Уж она и на санках покататься сходила, точнее, повозила их туда-сюда за собой по пустой деревенской улице, посадив на них пластмассовых зверушек: котиков, собачек, лисичек, зайчиков, медвежат. Везёт и поёт: “Тра-та-та! Тра-та-та! Мы везём с собой кота, чижика, собаку, петьку-забияку!” Пусто в деревне, морозно, солнечно! Далеко разносится одинокий Дашкин голосок. Расслышал пение сосед дедушка Толя, отправившийся на колодец по воду, заругался. “Нельзя, Дашка, на улице горло драть! — говорит. — Простудишься на морозе! Ангину схватишь! В медпункт далеко тебя родителям везти придётся”.

МЕЛЁХИНА Наталья — прозаик, критик. Окончила факультет филологии, теории и истории изобразительного искусства ВГПУ. Публиковалась в журналах “Знамя”, “Октябрь”, “Дружба народов”, “Сибирские огни”, “Север” и другие. Дважды лауреат Международного Волошинского конкурса (2013 и 2014 года), лауреат Балашовской премии и премии им. Б. М. Пидемского. Автор книг “Железные люди” (“Эксмо”, 2018 год), “Александр Панкратов” (“Древности Севера”, 2018 год) и других. Живёт в Вологде.

А молча просто так санки по деревне возить не интересно. Провела тогда Дашка всех знакомых собак в деревне. У деда Толи — ласковая серая Пальма. Её и на цепь-то не садят, потому что такая никогда и никого не укусит. У бабушки Лены — крупный неповоротливый Баке, лапы у него, как лопаты. Весь снег у будки изрыл. Молодой, не сидит ему на месте, всё чего-то копает. Не пёс, а чисто экскаватор! У деда Вени — Умка, похожая на овчарку, старая, даже слышит плохо. Зовёшь её: “Умка! Умка!” А она и голову не повернет, даже если в двух шагах сидит. Каждую собаку Дашка погладила и каждой принесла угощение — всем по корочке хлеба, а старушке-Умке — мякоти хлебной кусочек. Своих собак, охотничьих, лаек, дома не было: их отец с братьями в лес с собой забрали. Дашка постояла у пустующих вольеров и побрела домой.

Дома она и телевизор смотрела, и рисовала в альбоме и в “разукрашках”, и играла в охотников, и с дивана на кресло прыгала, и заставляла бабушку книжки вслух читать, и помогала ей ужин готовить, но всё без толку! Тянется и тянется зимний день, и нет ему конца и краю! Наконец, начали сгущаться сумерки. Они были для Дашки, как добрые глашатаи из фильмов-сказок: пришли сумерки, значит, и родные скоро вернуться! А ночей и темноты Дашка несколько не боялась. По ночам вся семья дома, включая отца, так какие ж тут могут быть страхи? К тому же родители иногда по вечерам ходили с ней на лыжах кататься под светом единственного на всю деревню уличного фонаря. И если ночь ясная, то заблестят звёзды на небе, просыплются снежными искорками вниз в сугробы и там заискрятся, зарумянится луна на чёрном фоне, что те румяный колобок на печном противне, — красотища! И наконец-то, наконец-то закончится скучный одинокий день.

Вот и на этот раз лишь упали на деревню сумерки, послышался за околицей лай. Один густой и низкий. “Это Тобол!” — узнала Дашка. Второй — высокий, звонкий. “Это Белка!” — обрадовалась она и побежала в прихожую к дверям. Вернулись из лесу отец и два старших брата. У всех чёрные волосы покрылись белым инеем, все трое высокие, широкоплечие, как богатыри, и пахнут хвоей да морозом. Сначала накормили собак. Показали Дашке и бабушке и тут же вынесли в сени сегодняшнюю добычу — куницу да белочку. Бабушка и внуков, и зятя хвалит, на кухне хлопочет: надо мужикам ужин подавать! Помогает Дашка бабушке, чем может: ложки несёт, майонез и горчицу на стол ставит, хлебный нож отцу подаёт. Самое интересное после ужина начинается.

Каждый вечер брат Игнаха приносит Дашке из лесу гостинец: то из-под снега горсть клоквы или брусники, то большое полотнище берёсты, на котором рисовать и писать можно, то хвостик заячий, на помпон похожий, то шишки еловые, сосновые, кедровые, ольховые, то колючего шиповника вместе с ягодами веточку, то еловый букет, чтобы игрушками самодельными украшать — много в лесу богатств! Ждёт не дожждётся Дашка, когда Игнаха чай допьёт и из рюкзака сегодняшний гостинец достанет. Но вот отставил брат чашку, говорит:

— Ой, Дашка, что я тебе сегодня принёс! Ни за что не угадаешь!

— Опять шишку? Опять хвост? Или ягоды? — гадают Дашка.

— Лучше! Послали тебе лесные жители каравай хлеба. Но ты уж не обессуди! Часть я отъел, проголодался на работе! Тебе три куска оставил, но зато на костре поджарил!

Достал Игнаха из огромного рюкзака пакетик, а в нем поджаренный на костре хлеб, а поверху — кусочки солёного сала.

— Передали они тебе, Дашка, с поклоном.

— Кто они? Какие бывают жители лесные? Смешные или страшные? — спрашивает Дашка.

— Перво-наперво — белки, — начинает свой рассказ Игнаха. — Ведь как дело-то было? Увидел я двух белок, сидят на ёлке, шишки лушат, а в меня шелухой кидаются, смеются: “Экий Игнаха дурачок! Мы наверху на ёлке сидим, а ему-то нас и не видно!” Ну, думаю, смейтесь-смейтесь! Хорошие

из вас выйдут для Дашки беличьи стельки в сапожки, вскинул я ружьё, прицелился, а белки мне и говорят человеческим голосом: “Не бей нас, Игнаха! Не губи! Что Дашке стельки в сапожки, уж лучше бы ей шапочку! Мы тебе покажем, где заяц прячется! — Не верю я вам, вертихвостки!” — говорю я им. А они цыкают-уверяют: “Цы-цы-цы! Не бойся, Игнаха! Мы хоть и рыжие, но ведь не лисы, не обманем!”

И верно, не обманули. Указали на заячью лёжку — лежит он себе под корнями выворотня, под огромной-огромной осиной. Ни за что без чужой помощи его не найдёшь. Прицелился я в зайца, а длинноухий как задрожит! Аж выворотень весь затрясло! “Не губи, — говорит, — меня, Игнат! Почему всё время заяц крайний?! Вечно чуть что, так сразу меня на шапку! Ничего я тебе плохого не сделал! Да и Дашке лучше уж шубку пошить! Теплее ей будет. Расскажу я тебе, где лиса живёт, тем более, что она меня из родного дома выселила”.

Сам пойти и показывать отказался, струсил, но на снегу лапкой путь-дорожку к лисьей норе нарисовал. Пошёл я для тебя, Дашка, шубку добывать. Пришёл к норе, а это, оказывается, и не нора вовсе, а избушка лубяная, та самая, из которой лиса зайца выгнала! Заглянул в окошко — лисонька обрягается у печи: кашу варит, курочку на противне запекает, каравай в печь ставит, а за столом на лавках сидят лисятки, песенки поют и ложками стучат. Заметили меня в окно, соскочили, под лавки забились. Возмолилась лисонька: “Не губи, Игнаха, ни меня и ни моих детушек! Возьми в откуп каравай для Дашки! Не простой, а волшебный! Как съест она от него два куска, так вырастет на два вершка!” И вот, Даша, принёс я тебе волшебный хлебушек.

Дашка куски рассмотрела и говорит Игнахе.

— Вставай, Игнаха, давай! Иди к косяку! Ты же хлеб тоже ел! Давай, сначала тебя измерим, насколько ты вырос!

На дверном косяке у входа в кухню отец широким охотничьим ножом ставит зарубки, как дети его росли: прямые — эти старшего сына, Шурки, наискос — среднего, Игнахи, а треугольные отметки — это дочкины, Дашкины.

Смеются все: и отец, и братья, и бабушка. Игнаха отнекивается:

— Ну что ты! Это ведь для тебя хлеб, я от него не вырасту, разве что ширь!

— Давай, Даша, чаю тебе налью, — говорит отец. — Попьёшь и до прихода мамы уже чуть-чуть подрастёшь! Тебя и измерим, на косяке вон новую метку вырежем, твою, треугольную.

Так они и сделали, как только мама с фермы вернулась. Обманула, правда, лиса: выросла Дашка с лета не на два вершка, а всего на один, ну так это ж известное дело: кто ж лисам верит, пусть и говорящим, все они до одной обманщицы.

ПЕСТЕРЬ-НЕВИДИМКА

Когда идёшь в лес по грибы, никогда не знаешь, куда выведут тебя тропы, проложенные дважды: первый раз мы проходим их по земле, второй раз путешествуем по картам нашей памяти. Вместе с другом детства Женькой мы ищем белые в ельнике за деревней.

Нам знакомы эти места так, что даже на ощупь мы опознаем не то что каждое деревце, но и каждую былинку, потому что эти травы, этот мох, эти ели росли вместе с нами. Кажется, и они тоже узнают нас по шагам, по запаху, по прикосновениям наших рук к ласковым зелёным лапам. И сам этот жест — будто спрятавшая когти-колючки лапа прижимается к ладони — так похож на рукопожатие.

Даже будучи ещё совсем малышами, мы с Женькой множество раз бывали в этом ельнике с нашими отцами, ныне покойными, с моим папой Мишей, с его папой Толей. Лес и река — колыбель нашей дружбы, переданной нам по наследству, как некое сокровище. И, будто записанные на плёнку, и сейчас звучат в моей голове отцовские голоса:

— Хочешь напиться, а воды нет, так можно пить и прямо из лужи, но выбирайте самую чистую, проточную. Вот сухой стебель дягиля — вот, смотрите! — вот так между колечками срежешь его, и здесь у дягиля есть перегородка, перепонка из мякоти. Надо в ней ножом дырочки сделать, будет, как дуршлаг у матери, чтоб макароны откидывать. Вот и фильтр: мусор из лужи не пропустит. Через трубочку такую и пить можно. Пейте, робята! Пейте!

И “робята” (так по-вологодски звал нас дядя Толя), и “ребята” (отец мой — родом с Кавказа, он никогда не окал) охотно пили лесные коктейли из луж на дороге, ведущей к вырубке. И была вода из них слаще лимонада, ароматнее и прохладнее, чем “Тархун” со льдом. В нынешний дождливый год этот старый тракторный путь больше напоминает реку. И пахнет так же — водой и илом, но вырубки больше нет: на её месте — новый лес. Тянутся ввысь молодые и тощие, но дерзкие деревья, жаждущие солнца и ветра без меры, жадно сосущие молоко земли через жилы своих корней.

— Ну, а если, ребята, заблудились в лесу, и с собой компаса нет, и день пасмурный, то ищите реку, ручей, дорогу, линию электропередач. Идите вдоль — они всегда к жилью выведут! Друг с другом не разлучайтесь, реку или ручей не переходите, а то еще сильнее заблудитесь. Если переночевать в лесу придётся, то помните — на земле не спят. Ставьте лежанку, на неё — настил, и лучше под навесом, а напротив — костёр.

О, сколько этих отцовских советов — по одному придётся на каждый наш шаг по земле, и в запасе ещё целый заплечный пестерь останется. Кажется, хотели наши отцы от всего нас уберечь, от всего сохранить, предостеречь, предупредить.

— “Спаси и сохрани!” — как в лес идёшь, так скажи да на образа перекрестись. В лесу не надо всем человек хозяин, порой, не всё там можем мы понять, не всё объяснить. В лесу мы гости, да ещё порой и непрошенные. Идёшь хоть и на час, а спички с собой возьми, в пакет целлофановый заверни, нож, воды бутылочку да хлеба кусок с солью. Ноша невелика, да и свой груз не тянет.

Пестерь с советами за моею спиной — груз невесомый, невидимый, неосязаемый, но сутулятся под ним плечи, совсем, как у моего отца, от прожитых лет. Иду я ельником, в одном кармане — горбушка с солью, в другом — спички, есть с собой и нож, и вода из колодца, и полным-полно уже грибов в ведре. Срезает друг мой Женька последний белый, щёлкает по тугой шляпке пальцем, и слова моего отца слышу я из его уст:

— Эх, хорош охлопуздик! Звенит, как ренка! — Так всегда папа мой говорил про особо крепкий гриб, и фразы эти достались нам с Женькой по наследству.

— Красота-то какая, красотищ-щ-ща! — вторю я словами дяди Толи.

И заглянув в полное ведро, говорит мне Женька:

— Пойдём домой, Михална!

И как ответ на пароль:

— Пойдём, Анатолич!